

О переводах М.Л. Гаспарова из Еврипида в соотнесении с переводами Анненского

15-20 мая 2023

О переводе трагедии «Электра»

Перевод появился в печати уже почти 30 лет назад¹, но для русских переводов Еврипида — один из последних. И это второе переводческое обращение к Еврипиду выдающегося филолога после публикации Пролога «Ифигении в Тавриде» в 1972 г. Важно вчитаться в «Предисловие к переводу»; спорить со специалистом, академиком, я не могу, но и Гаспаров — человек, со своими привязанностями, предубеждениями и предвзятостями, и я могу с ним не соглашаться, как заинтересованный читатель (тоже субъективный, конечно).

Анненские переводы древнего трагика критикуются со времени их появления. Они не дают покоя исследователям вплоть до наших дней. При этом Гаспаров, один из критиков, называет их подвигом. Это стимул для нового творчества. Но критическое поле, на мой взгляд, пора оставить. Все основное сказано. И все сказанное зависит от позиции, с которой устремляется взгляд на тексты. А позиция — она может быть разной. Ведь и у Анненского была позиция, вполне осознанная и обоснованная им самим.

Думаю, что надо зафиксировать этот труд с названием, например, "Еврипид Анненского"². Потому что Еврипид в исходном виде (да и в исходном ли?) принадлежит лишь специалистам и не переключается без потерь на русский язык, на эпоху, на понимание современного читателя. Гаспарову хотелось, чтобы "настоящую греческую поэзию, которая лежит за русскими переводами", даже МЕЖДУ переводами его и Анненского (что ставит их напротив друг друга), читатель лучше себе представил. Но для обычного читателя, не знающего древнегреческого, это невозможно. Вот что прекрасно осознавал Анненский.

И верно пишет Гаспаров: "Всякий перевод деформирует подлинник, но у каждого переводчика — по-своему". На этом надо бы поставить точку, но дальше Гаспаров в качестве основания опирается на Ф.Ф. Зелинского, коллегу и соперника Анненского. В отношении знаков препинания. И зная, что "греки писали, как известно, без знаков препинания", использует их в своем переводе, особенно восклицательный знак. Ведь это не приближает и его перевод к Еврипиду. Затем Гаспаров пишет, что "в текст подлинной греческой трагедии вставить многоточие удастся крайне редко: слишком связаны в них мысли и чувства", но тут же приводит анненский пример. И таких примеров в переводе Анненского много; он действительно любил многоточие. Однако у меня не складывается впечатление, что оно расстраивает мысли и чувства. Наоборот, это его способ усиливать их связь, и он работает. А вот пример использования знаков у Гаспарова, тоже далеко не единственный:

Э. — Ей будет жаль, что в скудной доле внук.
С. — Пусть так. Но к цели речь свою направь!
Э. — Она придет, и это ей конец.
С. — Так дай ей бог вступить на твой порог!
Э. — И станет он порогом гробовым.
С. — Дожить бы, увидеть и умереть!
Э. — Но прежде, старец, брата проводи.
С. — Туда, где встал Эгисф у алтаря?
Э. — А после — с вестью к матери скорей.
С. — Все передам верней, чем ты сама.

¹ Гаспаров М.Л. Перевод трагедии Еврипида «Электра» // Литературная учеба. 1994. № 2. С. 161-190.

² В наше время уже практически создан "Еврипид Вланеса".

Э. — А твой, Орест, единый долг — разить!
О. — Иду разить; пусть мне укажут путь!

Неясен тезис Гаспарова: «Анненскому был неприятен "рассудочный характер античной поэзии"». Это сказано о поэте, так последовательно отстаивавшем значение мысли в поэтическом тексте. Замечание С.С. Аверинцева о "садистическом наслаждении" Анненского, поддержанное Гаспаровым, благоразумнее отнести на счет своеобразного юмора ученых-филологов.

И еще. Я вижу противоречие в утверждениях Гаспарова:

"мне захотелось что-нибудь перевести из Еврипида, чтобы в противоположность Анненскому подчеркнуть <...> логичность, а не эмоциональность; связность, а не отрывистость; четкость, а не изломанность; сжатость, а не многословие".

"Когда я брался за этот перевод, конечно, я не помышлял вступать в соперничество с Анненским. Я предлагаю не альтернативу, а корректив <...>".

Этот корректив уже дважды опубликован после журнала. В 2003 г. перевод включен автором в книгу "Экспериментальные переводы" (СПб., Гиперион, 2003)³, а в нынешнем году вошел в состав 5-го тома нового Собрания сочинений⁴. Но он остается далеким от читателя-непрофессионала и тем более от сцены. Однако рядом с переводом-возбудителем он интересен.

William Blake Richmond (1824–1921). Электра на могиле Агамемнона (1874).

³ Здесь М.Л. Гаспаров добавил список действующих лиц и краткие пояснения, тем самым возвращаясь к анненскому переводу, вопреки собственной заданности.

⁴ *Гаспаров Михаил*. Собрание сочинений в шести томах. Т. 5: Переводы. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

О переводе Пролога трагедии «Ифигения в Тавриде»

Предисловие к переводу⁵ показывает, что воззрения автора на переводы Анненского не менялись в течение более чем 20-ти лет. Может быть, он и "Электру" перевел тогда же, а в предисловии к ее публикации повторил свои прежние мысли. Однако некоторые моменты обращают на себя дополнительное внимание.

1) Прежде всего, Гаспаров сам называет свой опыт "антипереводом", рассчитывая на то, "чтобы читатель сверял его не с греческим подлинником, а с предшествующим русским переводом — переводом Иннокентия Анненского". Я так и сделал; обращаться к подлиннику не могу. Я не обнаружил "систему поэтических средств", использованную Гаспаровым как "намеренно несхожую". И важно отметить: он пишет о тексте, далеком от рукописи Анненского, ссылаясь на издание Еврипида 1969 г.⁶ В нем помещен вариант перевода, подготовленный и опубликованный *Ф.Ф. Зелинским* в 1921 г.⁷, в свою очередь измененный редактором *В.Н. Ярхо*.

2) Гаспаров пишет о впечатлении от анненского Еврипида, формируемом его переводами — "болезненно утончен и декадентски манерен". Причем у меня, как нефилолога, должном формироваться — "навсегда". Уже не узнать, какие места перевода он подразумевал, почему. Но мне представляется, что ученый был во власти долгоиграющих штампов. У меня, нефилолога, никогда не было такого впечатления; более того, каждый раз, читая анненские переводы Еврипида, мои впечатления обновляются, дополняются, изменяются. Я все время в них, в переводах, что-то открываю.

3) "...какой-нибудь переводчик без всякой индивидуальности, вроде Мережковского". Тоже дань своему времени. Анненский, при всем противостоянии с этим автором, отдавал ему должное. А сейчас они оба — в школьной программе.

4) "Поэтикой Анненского сейчас занимаются много (к сожалению, больше в зарубежном, чем в нашем литературоведении)".

Гаспаров имеет в виду, конечно, две первых монографии *Вс. Сечкарева* и *Э. Бацарелли*. Но были и статьи *А. В. Федорова*, *Л. Я. Гинзбург*.

5) "разорванность синтаксиса: там, где в подлиннике развертываются связные логические цепи мыслей, в переводе мы видим разорванные эмоциональные куски: восклицания, вопросы, медитативные недоговорки".

Однако восклицаний и вопросов более чем достаточно и в переводе Гаспарова. Не знаю, что он подразумевал за "медитативными недоговорками". Может быть, опять же любимые Анненским многоточия? Но они не недоговорки. Они — способ сказать или дать понять, не говоря. Возможно, иногда излишний.

6) Следующее сопоставление мне представляется и удивительным, и показательным:

"Интересно, читая соображения *Ф. Зелинского* о рассудочности, логичности, связности самых страстных излияний *Федры*, вспомнить, что именно эту особенность античной мысли и чувства заметила и замечательно передала в одном из своих стихотворений на тему «*Федры*» (1923) *Марина Цветаева*:

5 *Гаспаров М. Л.* Начало «Ифигении в Тавриде» Еврипида // Античность и современность. К 80-летию Федора Александровича Петровского. М.: ИМЛИ АН СССР, "Наука", 1972. С. 269-276.

6 *Еврипид.* Трагедии. В 2-х т. / Пер. с древнегреческого *Иннокентия Анненского*; Вступ. статья и коммент. *В. Ярхо*. М.: Художественная литература, 1969. (Б-ка античной литературы: Греция).

7 *Театр Еврипида.* Том III. Драмы. Перевод со введениями и послесловиями *И.Ф. Анненского*; Под ред. и с коммент. *Ф.Ф. Зелинского*. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1921. (Памятники мировой литературы: Античные писатели).

Ипполиту от Матери — Федры — Царицы — весть.
Прихотливому мальчику, чья красота, как воск
От державного Феба, от Федры бежит... И так,
Ипполиту от Федры; стенание нежных уст.
Утоли мою душу! (Нельзя, не коснувшись уст,
Утолить нашу душу!) Нельзя, припадая к устам,
Не припасть и к Психее, порхающей гостье уст...
Утоли мою душу: и так, утоли уста".

Гаспаров приводит начало 2-й части складня Цветаевой "Федра" ("Послание"). По-моему, считать образцом античной рассудочности, логичности и связности стихи Цветаевой немислимо. Это поэтическое явление другого полюса. В нем сплошь нервы, сплошь страсть, надрыв и "эмоциональные куски". Уже в этих строках присутствуют восклицательные знаки, а сколько их дальше в стихотворении, по 3–4 в строке! А в первой части... А во всей ее поэзии... (Цветаева, кстати, вернулась к этой истории через 4 года и написала свою трагедию "Федра"). Это сопоставление перечеркивает все заверения Гаспарова в привязанности к "рассудочному характеру" поэзии.

7) Гаспаров называет свой опыт перевода Еврипида в противовес переводу Анненского "экспериментом" и допускает в нем издержки. Но зачем пытаться исправлять чужой труд, сознавая, что и свой не без греха? И не являются ли такой издержкой те же восклицательные знаки в переводе Гаспарова, особенно в хоровых партиях? Или смена ударения в слове "Ифигения"? Многоточия, кстати, тоже есть.

Я смотрю на задачу проще: Анненский сделал так-то и так-то, основываясь на том-то и том-то. А я сделаю иначе — вот так и так, принимая во внимание это и это. И все. Как это будет читаться и сколько раз — не во власти создателя.

О переводе трагедии «Орест»

И еще один перевод трагедии Еврипида, выполненный *Гаспаровым*, — "Орест".⁸

Читать сопроводительный комментарий переводчика — нет, не печально — сочувственно и поучительно. В нем — честность и смелость выдающегося филолога. Вывернуть наружу свою кухню соберутся немногие.

Логично, что Гаспаров захотел "перевести смежную по сюжету трагедию", причем "тем же размером и стилем". Анненский вот одну статью на обе трагедии написал. Но сделав 90 строк, переводчик бросает начатое. И пишет продолжение комментария, которое не то, что неожиданно, а ошарашивает. "Я отталкивался от Анненского как от крайности словесной вольности — теперь передо мною была крайность словесной строгости, такая же неприятная. Пришлось отталкиваться от самого себя".

И он решает использовать верлибр, о котором писал в статье "Анненский — переводчик Эсхила"⁹, как о возможном эксперименте. Но идея пришла опять же от Анненского, от его примеров перевода, сохранившихся в лекциях по античной драме. Гаспаров увидел, что это не подстрочник, а художественный перевод прозой, и он решил разделить его по строкам исходного текста. Получился верлибр. И вот он так делает свой перевод "Ореста". При этом возникают вопросы, которые показаны Гаспаровым в предисловии к книге, — и у него, и у читателя. А Еврипид ли теперь это? И "скоро стало ясно, что текст опять-таки получается однообразен — на этот раз не возвышенным, а сниженным однообразием, какой-то

8 *Гаспаров М. Л.* Экспериментальные переводы. СПб.: Гиперион, 2003. С. 113–157. Спасибо сообщнику *Павлу Вячеславовичу Дмитриеву* за информационную помощь.

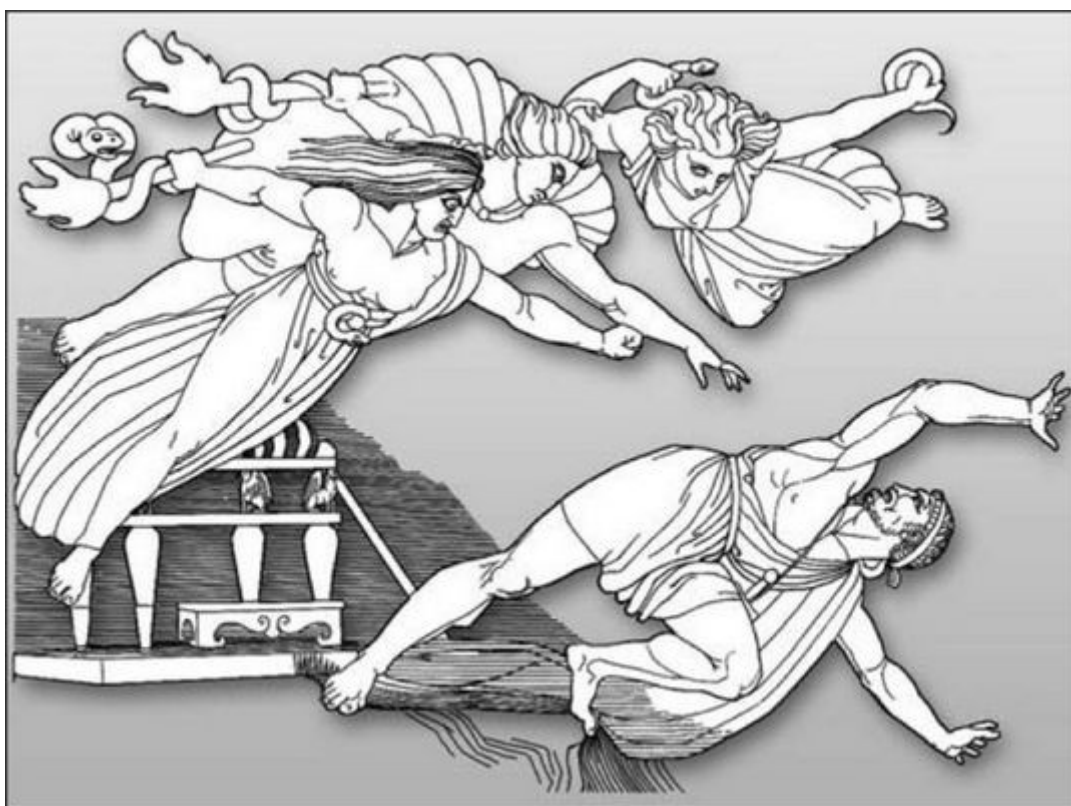
9 *Гаспаров М. Л.* Анненский — переводчик Эсхила // Сб. науч. трудов Московского гос. ун-та ин. языков им. М. Тереза. М.: МГУИЯ, 1989. С. 155–159.

разговорною воркотнею. Чем дальше я двигался по «Оресту» <...> тем больше я разочаровывался в выбранном средстве".

Невеселый итог:

"При неудачах принято утешительно говорить, что отрицательный результат эксперимента тоже плодотворен. Я хотел, чтобы не утомлять читателя, напечатать здесь только часть этой большой трагедии, но подумал, что это нехорошо по отношению к Еврипиду: все-таки он интереснее, чем его переводчик".

Нам остается только представить, сколько передумал, перепробовал Анненский, делая свое дело жизни, как он считал. Чтобы оставить нам то, что получилось. Чтобы сделать интересным и Еврипида, и себя. И правильно вспоминал Гаспаров, как делалось в Древней Греции: не понравилась трагедия — напиши свою и представь на суд зрителю/читателю. Попробуй преодолеть Анненского.

Эриннии преследуют Ореста. Иллюстрация из книги: Flaxman, T. Piroli, E. Howard. Compositions from the Tragedies of Aeschylus, 1831.

Дополнение

Добавляю показательный переводческий эксперимент Гаспарова не из Еврипида. Автор оригинала — парнасец, "знаменитейший из современных французских лириков Сюлли Прюдом, этот смелый поэт-философ, один из избранных секты Лукреция..."¹⁰, первый лауреат Нобелевской премии в области литературы (1901).

Стихотворение называется "Тень". В оригинале это сонет, и Анненский в переводе сохранил форму, несколько освободив рифмы. Но изменил название на "Тени":

¹⁰ Анненский И. Ион и Аполлонид // Филологическое обозрение. 1899. Т. XVI. Кн. 1. Паг. 1. С. 21.

Остановлюсь — лежит, иду — и тень идет,
Так странно двигаясь, так мягко выступая;
Глухая слушает, глядит она слепая,
Поднимешь голову, а тень уже ползет.

Но сам я тоже тень. Я облака на небе
Тревожный силуэт. Скользит по формам взор,
И ум мой ничего не создал до сих пор:
Иду, куда влечет меня всевластный жребий.

Я тень от ангела, который сам едва,
Один из отблесков последних божества,
Бог повторен во мне, как в дереве кумира,

А может быть, теперь среди иного мира,
К жерлу небытия дальнейшая ступень,
От этой тени тень живет и водит тень.

Гаспаров вернул исходное название, но выбрал верлибр, сократив число строк вдвое:

Я иду, а она пластается,
Смотрит слепо, слушает глухо,
Как и я, частица той же ночи,
Вижу, не разумея, и вторю, не творя.

Я — тень ангела, ангел — отблеск Бога,
А за мною, в ином небытии,
Тень моей тени тянет свою тень.

В этом опыте переводчик поборол "многословие", но уже не Анненского, а автора исходного текста. Но при сохранении содержания остался ли у него Сюлли Прюдом?